

Грустный клоун и белый медведь

20 марта 2024

Выздоровливающие люди с наркотической и алкогольной зависимостью организовали собственный театр в Петербурге. Он называется «Мы», чтобы никто не сомневался, что создатели театра действительно существуют. Журналист Илья Семёнов специально для «Новой вкладки» рассказывает, как зависимые заново учатся говорить и почему «девятка» — это больше не пиво, а шаг навстречу новой жизни.

Танцы в медвежьей шкуре

В физкультурном зале небольшого центра реабилитации для детей с двигательными нарушениями — необычное оживление. Мальчишки и девчонки в сопровождении родственников и местного персонала неспешно стекаются в зал и рассаживаются по скамейкам и стульям. Руководство центра остаётся стоять: свободных мест уже нет.

Вскоре из колонки начинает звучать бодрая музыка. Открывается дверь гримёрки — и на импровизированную сцену выскакивают обезьяна, собака, зебра, грустный рыжий клоун и малюсенький Пикачу. Сюжет у сказки совершенно незатейливый: животные отправляются в путешествие на Северный полюс. Сначала кажется, что они должны встретить там Деда Мороза, но за окном заканчивается тёмный петербургский январь, Дед Мороз уже в отпуске, так что его место занимает — неожиданно — белый медведь.

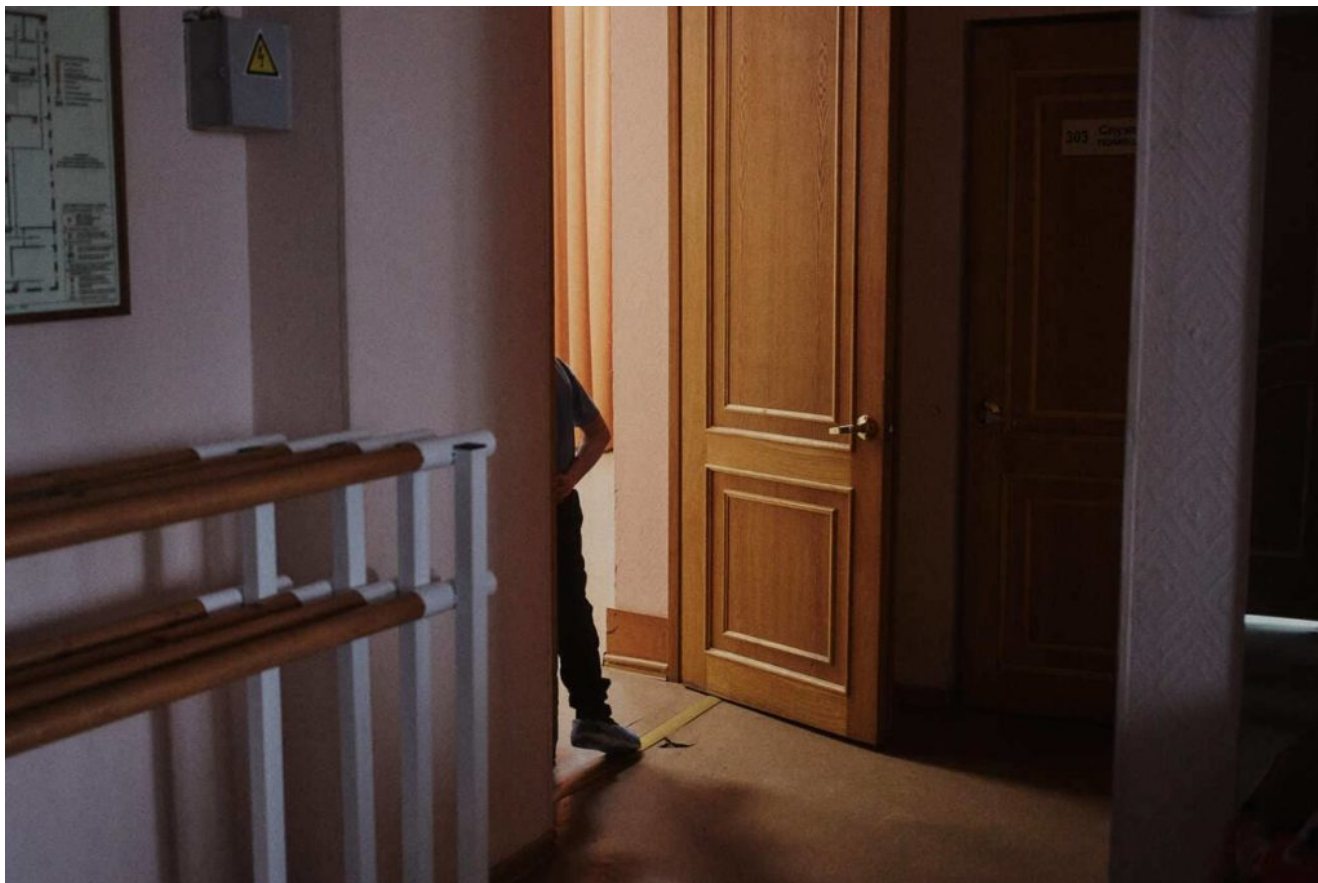
Дети сначала немного испуганы весельем и напором актёров в разноцветных костюмах, но быстро втягиваются в игру и помогают искать и звать белого медведя. А когда он, наконец, появляется, некоторые визжат от восторга, настолько их поражает гигантский зверь — двухметровая ростовая кукла, в которой, кажется, могут поместиться два-три человека средних размеров.

Медведь ни секунды не стоит на месте: танцует вместе с другими животными (и маленьким Пикачу!), к всеобщему веселью присоединяются и некоторые зрители, один мальчик лет пяти танцует, несмотря на костыли, и старается держаться ближе к медведю, чтобы погладить его по мягкой шкуре.

Премьера спектакля в ДК «Рыбацкий». В зале аншлаг: по словам

организаторов, на спектакль пришли около ста человек

Перед премьерой спектакля в ДК «Рыбацкий»

— Сложный это момент был — перед детьми выступить, особенно в первый раз. Я думал, что тут тоже будет сложно, — уже потом расскажет грустный клоун, а в обычной жизни подопечный [проекта](#) «Дом на полдороги» Алексей. — Но на самом деле нет, потому что эта радость, эти улыбки, когда этот паренёк на ходунках — маленьких, жёлтеньких — выскочил потанцевать... стало понятно, как это нужно. Это [«девятка»](#), кому-то не могу уже возместить [ущерб], кого-то уже нет, и вот — несу сюда [детям].

После выступления актёры дарят детям небольшие подарки, а дети актёрам — свои рисунки, посвящённые Дню снятия блокады Ленинграда, который как раз отмечается в Питере. Когда зрители покидают зал, «медведь» с облегчением выбирается из своей невероятно жаркой шубы и оказывается крепким невысоким мужчиной по имени Костя. Он одет в футболку и шорты — иначе танцевать в медвежьей шкуре не получится. На ногах у него застарелые следы от укусов. Такие же есть у некоторых его коллег по театру-студии «Мы».

— Я сам человек с тяжёлой судьбой, который поднялся с самого дна и теперь помогает людям, — говорит мне Костя. — Много срывов, много попыток.

Я шёл с опущенными руками и понимал, что ничего не могу с собой сделать. Но — очередная реабилитация, потом постлечебка, потом «Дом на полдороги», театр. Мне нужен был этот опыт. Я в сообществе сейчас, я помогаю людям. Жизнь душевная наполнилась — это за деньги не купишь: то, что приобретается, то и отдавай.

«Обратно — летишь»

Питерскую «Ночлежку» — старейшую российскую организацию, которая помогает бездомным, — знают, кажется, все и везде. А вот её проект «Дом на полдороги» не так знаменит. В нынешнем виде ДНПД, как его для краткости называют сотрудники и постояльцы, существует с 2019 года. Его специалисты занимаются социальной реабилитацией людей с наркотической и алкогольной зависимостью. В «Доме на полдороги» клиенты живут около полугода, проходят специальную программу, поправляют здоровье, понемногу начинают работать. Учатся жить заново.

Конечно, ДНПД — это никакой не дом в прямом смысле, а большая квартира с запутанной планировкой в обычной девятиэтажке на проспекте Металлистов. Здесь есть кухня, общий зал с длинным столом, за которым ежедневно собираются клиенты, комната консультанта, что-то вроде офиса и несколько жилых комнат с двухъярусными кроватями.

В одной из таких комнат последние несколько месяцев живёт Алексей. На спинке его кровати, аккуратно упакованные, висят костюмы тех самых животных. Их театру предоставил дружественный ДК «Рыбацкий», в котором «Мы» регулярно дают свои серьёзные, взрослые спектакли. Сейчас театр работает над постановкой «Блокадные дневники», основой для неё стали дневники военного медика Фаины Прусовой.

Алексей в квартире «Дома на полдороги»

Алексей в квартире «Дома на полдороги»

Алексей говорит, что изначально труппа планировала небольшую постановку, но в итоге получился полноценный спектакль, который идёт

около часа. В нём Алексей исполняет роль друга семьи Прусовых — дяди Коли. И когда на репетиции смотришь на его игру, на то, как он плачет в самых пронзительных сценах или читает военные стихи, делается не по себе. Невозможно поверить, что этот человек — не профессиональный актёр, а геодезист, столяр, реабилитант ДНПД, отдавший половину жизни зависимости, прошедший через все круги наркотического ада.

— В таких сценах я вспоминаю то, что может вызвать слёзы, и получается, — тихим голосом объясняет Алексей. — Я братанов вспоминаю, Саню вот, Женьку. Саню убили по пьянке, мы с ним вместе работали в конторе геодезической. Они с водителем выпили, подрались. Женька, брат мой, погиб в аварии. Антоха, двоюродный, с Новосиба, полтора года назад под Артёмовском погиб. Вот я это вспоминаю — и получается. Наполняю. И какой бы унылый на репетицию ни приходил, обратно летишь. Помогает.

«Театр может быть полезным»

Идея театра не только как творческой, но и реабилитационной среды для людей с зависимостями — достаточно нетривиальная. Руководитель «Дома на полдороги» и по совместительству директор студии «Мы» Вячеслав Минин говорит, что в мировой практике ничего подобного не нашёл. Театральные тренинги нередко используются для реабилитации детей с различными ограничениями — в Питере есть, в том числе, знаменитый «Упсала-Цирк», который начинался как социальный проект, а за 20 лет превратился в полноценный стационарный цирк с афишами и аншлагами и не утратил своей инклюзивности. Но со взрослыми, а тем более бездомными и зависимыми, такой работы обычно не ведут.

В каком-то смысле театр «Мы» — продолжение проекта другой благотворительной организации, фонда «Диакония». С фондом Слава изначально столкнулся как подопечный, долго выздоравливал после многолетней зависимости, учился, потом работал [равным консультантом](#), а к нынешнему моменту поднялся по карьерной лестнице до руководителя важного проекта «Ночлежки».

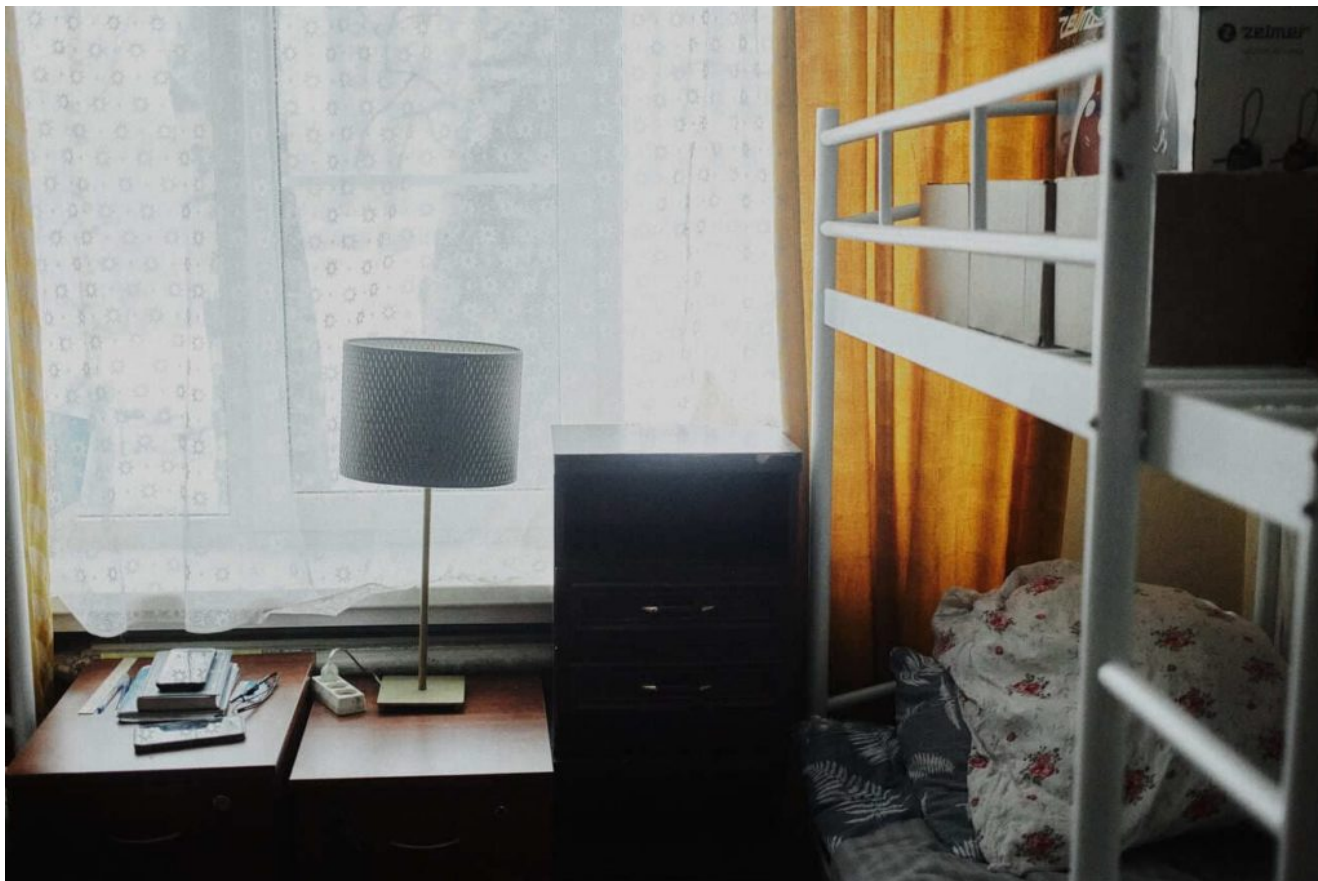
Как раз в качестве равного консультанта и мотиватора он около пяти лет назад пришёл в Государственную наркологическую больницу (ГНБ) и там познакомился с Михаилом Боровковым. Дядя Миша, как называли его почти

все, оказался в ГНБ после очередного запоя. До возвращения в Петербург, где в семидесятые он учился в академии театрального искусства, Михаил работал режиссёром Нижегородского ТЮЗа, служил актёром в драматических театрах Норильска, Красноярска и Риги (там — дольше всего, около двадцати лет).

— Когда я его нашёл в ГНБ, он уже собирался умирать, — вспоминает Вячеслав Минин. — Но мы с ним пообщались, и он вдохновился. Я его замотивировал ехать в отделение реабилитации в ГНБ, и там он уже начал ставить спектакли, делать сценки какие-то небольшие — так зародилась эта традиция.

Предшественником театральной студии «Мы» был театр «Башмаки», в котором играли пациенты Государственной наркологической больницы

Комната Алексея в «Доме на полдороги»

В качестве актёров в театре выступали другие пациенты ГНБ. Активно выздоравливать начал и дядя Миша. Тогда в одном из интервью он [говорил](#), как стал прямо в больнице устраивать поэтические вечера, ставить сценки из пьес — и увидел, что театр может быть полезным инструментом в избавлении от алкогольной и наркотической зависимости.

После выписки Боровкова театр под крыло взяла «Диакония»: директор фонда Елена Рыдалевская предложила дяде Мише жить и работать в центре социальной адаптации фонда. Там он продолжил ставить спектакли, которые театр показывал в основном в церковных приходах, а однажды выступил на Пасхальном фестивале в театре «Странник» и получил там специальный приз.

Про «театр независимых», который получил название «Башмаки» (в честь одноимённой картины Винсента ван Гога), писали СМИ, его создатели строили планы на будущее, но закончилось всё так же стремительно, как и началось. Летом дядя Миша уехал работать в детский лагерь в Сочи, после возвращения собирался ставить спектакль «Мы», основанный на реальных судьбах своих ребят. Но на юге сорвался и снова начал употреблять алкоголь.

Михаила Боровкова похоронили в Петербурге 12 сентября 2021 года. А в декабре не стало Елены Рыдалевской. На этом недолгая история «Башмаков» завершилась.

«Дядьки взрослые стояли и плакали»

— Никому ничего не нужно было, «Диаконии» не до того было, у них и сейчас непростые времена, к тому же пандемия тогда — какие там пляски? — вспоминает Вячеслав Минин. — Но ребята говорили, что очень хотят в театр вернуться, что это большая сфера для роста, что это отдых и адаптация. И мы решили попробовать сделать свой театр.

На тот момент несколько артистов «Башмаков» как раз проходили реабилитацию в «Доме на полдороги», которым руководит Минин. В театральном мире он не особенно разбирался, но идеей горел, поэтому привлёк к проекту свою супругу Ирину, у которой как раз был подходящий опыт.

Репетиция «Блокадных дневников»: начальная сцена в кинотеатре, за несколько минут до первой бомбёжки

Репетиция «Блокадных дневников»: сцена с вешалками

Репетиция «Блокадных дневников»: Андрей ждёт своего выхода
По образованию Ирина — режиссёр-постановщик, в начале нулевых она заочно окончила питерскую [академию](#) театрального искусства, а затем около

пятнадцати лет была актрисой в небольшом частном театре. К моменту развала «Башмаков» Ира уже давно не практиковалась, но идея сделать свой, тем более такой необычный театр ей понравилась. Хотя на первых порах не обошлось без сомнений.

— Никто нас не поддерживал поначалу, никто не верил, что можно сделать что-то толковое с зависимыми людьми, — рассказывает Вячеслав Минин. — Я помню, мы сидим с Ирой в Князь-Владимирском соборе напротив иконы и конфликтуем по этому поводу. В итоге я говорю: если мы хотим делать, надо просто брать и делать. Если ты не будешь делать, я начну. А я уже ходил до этого, закидывал [идею], ребята хотели. Так всё и началось.

Актёров Вячеслав нашёл в тот же день: после собора он выступал спикером на собрании группы анонимных алкоголиков и наркоманов, где и рассказал про идею будущего театра. Она вызвала неожиданный энтузиазм, к труппе сразу присоединились несколько будущих актрис; одна из них, Ксения, играет главную роль в «Блокадных дневниках», которые раскрыли её драматический талант.

— Хорошо, что у нас не три спектакля за неделю, — говорит она, вытирая самые настоящие, не наигранные слёзы после двух февральских аншлаговых постановок в ДК «Рыбацкий» и Музее истории медицины. — Я больше просто не выдержу.

Меньше чем за два года в театре «Мы» поставили два с половиной спектакля. Тем же летом 2022 года активизировалась и работа в «Доме на полдороги»: Ирина провела в ДНПД несколько пробных театральных тренингов, которые очень понравились подопечным и сразу вошли в программу реабилитации. Теперь клиентов не только информировали, а сразу же отрабатывали с ними новый материал. «Информированность обычно не перетекает в знание, опыта из этого не получишь. А мы, например, рассказываем, как обращаться за помощью и почему это важно, а потом на тренинге сразу эти ситуации прорабатываем», — объясняет Вячеслав.

По словам Минина, клиентам ДНПД всё это очень «зашло», а потом он с женой стали «туда уже психологию внедрять, погружать в травмы, в детство».

— И люди стали вспоминать свои хобби. Вот, например, хотел танцевать, а папа меня бил и говорил, что я должен наоборот. А кто-то говорил: «Я помню этот оторванный лист обоев, мама кричит, а я у окна...» Дядьки взрослые стояли и плакали.

— В этих тренингах было много от гештальт-терапии, — добавляет Ирина, — много осознания своего тела. Это очень важно. Как в актёрском мастерстве

мы всегда начинаем с тела, так и в психологии: для того чтобы вернуть человеку осознание, нужно понять, что происходит с его телом. Зависимые люди в основном не понимают, что с ними происходит, не понимают своих чувств. И через тело в тренингах мы приходим к осознанию себя.

В заиндеветшей блокадной квартире

Как режиссёр Ирина очень настойчива и даже сурова. «Давайте включимся в процесс, пожалуйста. Такое ощущение, что вы под наркотиками, серьёзно», — говорит она металлическим голосом, когда Андрей и Камила отвлекаются во время постановки сложной сцены воспоминаний детей Фаины Прусовой. «Мне всё время хочется поставить как в кино, — тут же усмехается Ирина, — чтобы камера отъезжала, подъезжала, смены планов...»

В репетиционном зале актёры: Ксения (Фаина Прусова, автор дневников), Андрей (Боря, сын Прусовой), Камила (Наденька, дочь Прусовой). По задумке Ирины, они должны сидеть в промёрзшей блокадной квартире и грезить о прошлом, когда Боря и Наденька были детьми и могли просто развлекаться, сражаясь на вешалках, будто на саблях. Свет на сцене гаснет на короткое время, за которое Андрей и Камила должны успеть скинуть дублёнки и превратиться в себя же, но совсем юных и очень радостных. Получается это далеко не с первого раза.

— Нам надо отработать соединения между сценами, чтобы не терять наполненность, потому что один раз потерял — потом какие там слёзы? — говорит Ксения — Фаина Прусова, закутанная в пальто и шаль красивая поникшая женщина с заплаканными глазами. — Сидишь, себя внутри настраиваешь, погружаешься до конца, а когда прерывается — опять приходится.

Но ритм уже сбит: у Андрея с Камиллой не выходит быстро снять одежду, синхронно подойти друг к другу, падают вешалки и даже метроном. К тому же Андрей (недавний выпускник ДНПД) постоянно уточняет, что ему делать, а потом признаётся, что вообще не понимает, что здесь происходит.

— Они засыпают, что ли? Это сон? — спрашивает он у Ирины, остановившись посреди сцены.

— Не то что сон, а время, когда они были счастливы, — отвечает режиссёр.
— Люди в блокаду всё равно читали книги, стихи учили, вышивкой занимались. И мы должны показать это, показать, как люди выжили. Мы про любовь, которая спасала всех. Они сами спасали других, свой хлеб отдавали, помогали другим людям, поэтому и выжили.

Репетиция «Блокадных дневников»: сцена молитвы

Костя (тот самый белый медведь) в этом спектакле отвечает за музыку — и в десятый раз включает «Утомлённое солнце», а Ирина отыгрывает всю сцену за Андрея, показывая, что нужно делать. Андрей сурово смотрит из-

под внушительных бровей на двух грациозно кружащихся девушек.

Потом танго играет снова — и уже он сам бьётся с Камиллой в шутовском сражении. В конце высокий и статный Андрей останавливается и широко расставляет руки, подставляя себя под удар. Камила делает укол вешалкой в самое сердце. Андрей картинно оседает на пол, но тут же вскакивает и обнимает смеющуюся Камилу.

Танго постепенно замолкает, свет ненадолго гаснет. Снова слышно метроном. Снова трое сидят, прижавшись друг к другу в заиндевевшей блокадной квартире.

«Столько спасённых судеб»

Репетиции театра «Мы» проходят в просторном зале на Лиговском проспекте, в самом центре Петербурга. Появление этого зала стало настоящим спасением, потому что никакого отдельного бюджета у театра пока нет, а все собранные на выступлениях средства уходят на благотворительность, не зря Алексей говорил про «девятку» — девятый шаг.

Репетировать в ДПНД было практически невозможно. Место под тренировки там находится, но ставить полноценные спектакли в обыкновенной квартире затруднительно. Пока Слава с Ирой думали, как решить этот вопрос, всё решилось само собой. То есть случилось чудо, как это нередко бывает в истории «Мы».

Костюмы для спектакля актёры подбирали сами, часть из них предоставил ДК «Рыбацкий»

Через общих знакомых Слава познакомился с фондом «Добрый город Петербург», у которого как раз был зал, подходящий для репетиций. Изначально планировали договориться об аренде, но директор фонда Оксана Петрова пригласила «Мы» провести пробную репетицию, а затем там же прошла новогодняя встреча выпускников ДПНД.

— Собрались наши ребята со своими историями преодоления, всё рассказывают, — вспоминает Слава. — Ну и Оксана подходит, дёргает меня за рукав и говорит: приходите, репетируйте, это нечто, я не ожидала, что это вот столько людей, столько спасённых судеб! Спасибо вам за то, что я могу в этом участвовать, какие деньги вообще?

Так два года назад здание на Лиговском, 87 стало местом прописки театра «Мы», главной репетиционной базой, на которой Ирина со своими актёрами поставила уже два с половиной спектакля: дебютный «Жизнь не моя» (приз Пасхального театрального фестиваля за лучший спектакль по социальной тематике 2023), первую часть «Чайки по имени Джонатан Ливингстон» и «Блокадные дневники».

Буквально за несколько недель до выступления в спектакль добавили песню «Туман» из фильма «Хроника пикирующего бомбардировщика»

Зал для репетиций театральной студии «Мы» предоставляет фонд «Добрый город Петербург»

Герои спектакля прощаются друг с другом перед уходом на фронт. На репетиции труппа собирается каждую среду и пятницу, чтобы по три часа отрабатывать новые спектакли. Ходят на них все, кто участвует в постановке, а это далеко не только действующие подопечные «Дома на полдороги». Например, Андрей, который играет Бориса, — выпускник ДНПД, а Камила и вовсе не имеет никакого отношения к теме зависимости: она подруга сына Ксении, исполнительницы роли Фаины Прусовой.

Такой инклюзивный состав театра сложился сам по себе, но он отражает ценности, заложенные в проект. Реабилитация здесь идёт самыми разными путями, в том числе через общение с людьми, которые живут обыкновенной жизнью. При этом правила студии распространяются в равной степени на всех: например, посещение репетиций строго обязательно, за прогулы или безответственное поведение могут и снять с постановки.

Но обычно ходят на репетиции все исправно и с большим удовольствием. По вечерам после работы собираются в прохладном зале на Лиговском и репетируют до тех пор, пока спектакль не начнёт «собираться», как говорит Ирина.

— Теперь для ребят, которые живут в ДНПД, это такая точка роста. Они

сначала участвуют в тренингах, приходят на спектакли, загораются этим, а потом могут уже и сами принять участие в репетициях, — говорит Вячеслав Минин. — Такой бонус по завершении первого этапа реабилитации, когда человек уже прописал задания, начинает выходить на работу и может попасть в театр, то есть это стимул, к которому нужно вырасти.

«Великий контролёр»

Как стимул и важную часть новой жизни воспринимает театр и Алексей. Вне сцены он немногословный, тихий, очень вежливый и приятный человек с аккуратной седой бородой, которая в образе клоуна в рыжем парике добавляет ему комичности, а в образе друга Прусовых в «Блокадных дневниках» — достоверности. Сейчас вместе с Костей они работают на стройке, а по средам и пятницам — тоже вместе — едут на репетиции театра-студии «Мы».

Премьера спектакля «Блокадные дневники» в Доме культуры «Рыбацкий» Алексею 49 лет. Он начал употреблять алкоголь, а затем наркотики ещё в юности, когда семья переехала с Алтая в Тихвин, небольшой депрессивный город в ста километрах от Питера.

— Поменялся круг общения, друзей, было очень всё странно, — вспоминает он. — Там [на Алтае] у нас никто в классе не курил, а тут почти все, и на улице тоже пацаны другие были. Чтобы своим показаться, пришлось тоже начать курить.

Поклон актёров после спектакля

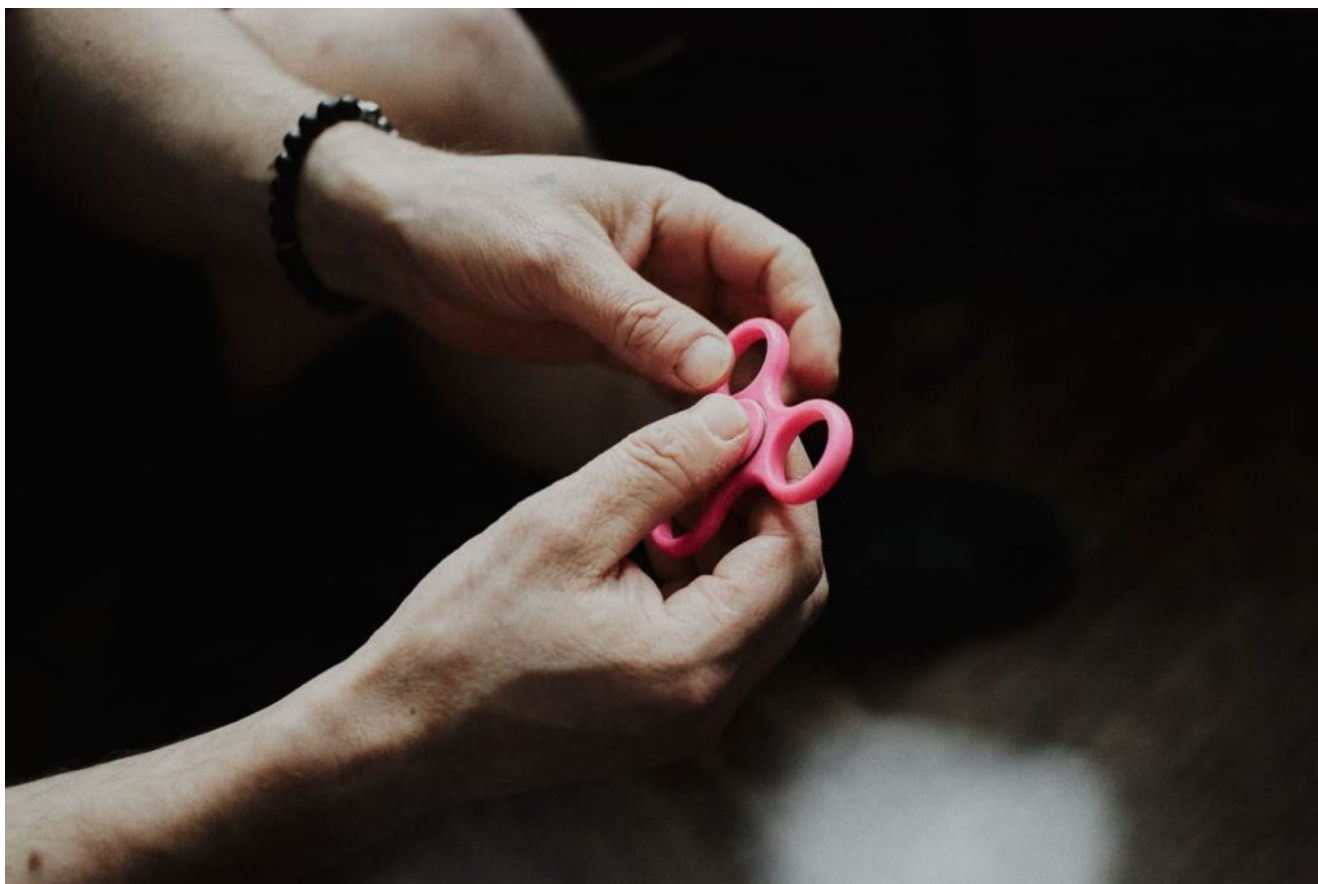
Для Алексея премьера «Блокадных дневников» стала первым выходом на настоящую театральную сцену

Директор «Дома на полдороги» и театральной студии «Мы» Вячеслав Минин благодарит зрителей спектакля

После девятого класса Алексей пошёл учиться на столяра, хотя хотел быть трактористом или геодезистом, как отец. В это же время, в самом начале девяностых, в его жизни появились курительные наркотики. А чуть позже — опиаты, которые он употреблял на протяжении многих лет. Сила воли и какой-никакой контроль употребления помогали держаться на плаву и не умереть, но к середине пятого десятка наркотики заняли почти всё место в жизни.

— Два раза я был женат. Вторая жена у меня на четырнадцать лет младше была. Познакомились, через месяц поженились, а ещё через месяц развелись. В карманы полезла, в телефон полезла. А чего? Зачем? Собрался да ушёл, — рассказывает он буднично, но после паузы голос становится жёстче, честнее. — Мешала употреблять, чего там. С первой я ещё выпивать — выпивал, покуривал, пять лет прожили. А тут же всё быстро у меня, и контроль начался. А куда там: я сам — великий контролёр.

Алексей рассказывает, что раньше ему очень трудно было говорить, строить связные предложения — это эффект от активного употребления «солей»

В актёрской профессии Алексей попробовал себя ещё двадцать лет назад, когда снялся в массовке сериала «Улицы разбитых фонарей»

Окончательно расстаться с иллюзиями контроля Алексея заставили [«СОЛИ»](#) — началось, как он сам говорит, «лютое употребление». Ощувив, что сам уже точно не справится, Алексей по собственной воле «сдался» в бесплатный реабилитационный центр, где впервые прошёл 12-шаговую программу. Сразу она не сработала, но отношение к веществам изменила, похоже, навсегда. «Когда программа пошла, уже так же не сможешь торчать, — говорит он. — Один день в программе — и уже не будет того».

После нескольких срывов Алексей попал в ГНБ, а оттуда — в «Дом на полдороги». Весной отметит год трезвости, как раз к очередному Пасхальному фестивалю, на котором театр «Мы» покажет «Блокадные дневники».

За эти без малого двенадцать месяцев трезвости изменилось очень многое. Алексей наладил отношения с родственниками, нашёл стабильную работу, стал помогать другим, перестал бояться ходить в полный соблазнов круглосуточный магазин возле «Дома на полдороги». Поменял даже способ смотреть кино: новым фильмом «Мастер и Маргарита» он поначалу не впечатлился, но когда сменил оптику и стал смотреть на игру актёров

«по совету Ирины Константиновны», увидел много нового, понял, что это — «шикарный фильм».

— На самом деле я полгода назад говорить особо не мог, мысль построить, слова подобрать. Это у меня после употребления, — объясняет он. — Сейчас благодаря работе с психологами и театру в основном стало получше. Я в театр чего и пошёл — страх оценки побороть. Я же вообще не мог говорить, а меня научили, научили за помощью обращаться, не волноваться. Не всю же жизнь молчать — надо говорить. Сейчас более-менее получается связно слова собирать в предложения, речь вести. Помогает. Хочу и дальше всем этим заниматься. А там, кто знает, может, «Оскара» получу?